

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

Об одном «Опыте автобиографии»

Не может быть большего идейного падения для революционного политика, как обманывать массы!

Л. Троцкий «Моя жизнь»

Человека, который вздумал бы изучать историю нашей революции «по Троцкому», ждет жестокое разочарование. Ибо никакой истории, даже очень субъективно окрашенной, в его книжке «Моя жизнь» нет. Но «человеческий документ» получился ярчайший.

«...Эта книга не бесстрастная фотография моей жизни, а ее составная часть. На этих страницах я продолжаю ту борьбу, которой посвящена вся моя жизнь. Излагая, я характеризую и оцениваю, рассказывая, я защищаюсь и еще чаще нападаю. Мне думается, что это единственный способ сделать биографию объективной в некотором более высоком смысле, т. е. сделать ее наиболее адекватным выражением лица, условий и эпохи»*.

Это, конечно, не наилучший способ дать «адекватное выражение» «условий и эпохи», и в этом смысле «Моя жизнь» Троцкого ничего не дает, как увидит читатель на ряде примеров. «Адекватное выражение лица» она дает даже в большей степени, чем самому «лицу» это нужно. Едва ли Троцкий, занимаясь «опытом» своей автобиографии, думал подвести себе окончательный итог как историческому деятелю. Едва ли этой книжкой он собирался зачислить себя окончательно «по истории». А между тем после «Моей жизни» говорить о Троцком как руководителе чего бы и кого бы то ни было так же мало возможно, как о Керенском.

Сравнение этих двух фигур неотразимо навязывается, когда читаешь «Мою жизнь».

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 7.

«Керенского Ленин называл хвастунишкой. К этому *немного* можно прибавить и сейчас. Керенский был и остался случайной фигурой, временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекающая девственные, еще неразборчивые массы, неизбежно поднимала наверх таких героев на час, которые сейчас же слепнут от собственного блеска»*.

Это — автохарактеристика под видом характеристики другого. Подбирая материал для этой статьи, я отвел сначала для рубрики «хвастовство» (не завести такой рубрики нельзя было — слишком уж било в глаза) одну строчку. Оказалось мало. Я прибавил вторую. И этого было мало. Я должен был прибавить третью. Не хватило и ее, и пришлось вписывать ссылки на страницы под строками, между строками, сбоку, сверху, снизу. Нет никакой возможности привести здесь хотя бы большую часть отмеченного — получилась бы хрестоматия в пару десятков печатных листов. Я ограничиваюсь самыми яркими примерами, дающими, кстати, понятие о тоне всей книжки.

Я пропускаю примеры хвастовства, относящиеся ко времени детства, — хвастовства своими пятерками, тем, что ранец был всегда в порядке, ученическая книжка всегда на месте и т. п. Это — мелко, но нужно сказать, что это мелко не только для критика, а и для автора. Ведь этот автор притязал не более, не менее как на то, чтобы быть наследником Ленина — заявлял претензию на позицию мирового значения, на роль всемирно-исторического деятеля. Как к этому идет любование своими гимназическими успехами!

Но вот перед нами Троцкий — уже крупная политическая фигура. Пришел 1905 год. «13 ноября мы поставили в блоке с меньшевиками большой политический орган “Начало”. Тираж газеты рос не по дням, а по часам. Большевистская “Новая жизнь” без Ленина была сероватой. “Начало”, наоборот, пользовалось гигантским успехом. Думаю, что оно ближе, чем какое бы то ни было другое издание за полвека, подходило к своему классическому прототипу, “Новой Рейнской газете” Маркса в 1848 году»** (!!).

После этого совершенно понятно, что «переписка Маркса и Энгельса была для меня (Троцкого. — М. П.) не теоретическим,

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 8.

** Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 204.

но психологическим откровением... я убеждался на каждой странице, что с этими двумя меня связывает непосредственное психологическое сродство. Их отношение к людям было мне близко. Я догадывался о том, чего они не досказывали, разделял их симпатии, негодовал и ненавидел вместе с ними. Маркс и Энгельс были революционеры насквозь»*.

Приходит вторая революция, первое поражение — июльские дни. «Ленин и Зиновьев скрылись». «Ленина не было». «Ленин, объявленный немецким шпионом, скрывался в шалаше»**. Это повторяется и припоминается при каждом удобном и неудобном случае, вскрывая истинные чувства пишущего к тому, перед кем он, простите за выражение, с самым подлым лицемерием якобы преклоняется на всем протяжении своей книжки.

«Большевицкая фракция ЦИК чувствовала себя сиротливо в здании Таврического дворца. Она послала за мною делегацию с просьбой сделать доклад о создавшемся положении, несмотря на то, что я все еще не был членом партии: формальный акт объединения был отложен до предстоящего вскоре партийного съезда. Я, разумеется, охотно согласился (!!). Моя беседа с большевицкой фракцией установила такие нравственные связи, которые создаются только под тяжкими ударами врага. Я говорил, что за этим кризисом нас ожидает быстрый подъем, что масса вдвое привяжется к нам, когда проверит нашу верность на деле; что надо в эти дни зорко глядеть за всяким революционером, ибо в подобные моменты люди взвешиваются на безошибочных весах. И сейчас я с радостью вспоминаю, как тепло и благодарно меня провожала фракция»***.

У Достоевского в «Селе Степанчикове» выведен один отставной литератор, превратившийся в помещицкого приживала, Фома Опискин, воображающий себя центральной фигурой всего литературного мира, выше Пушкина, выше Лермонтова. Ему кажется, что все, что было значительного в его время, не только в литературе, его имеет своим первоисточником. Сгорела Казань — он пожертвовал свой (воображаемый — его никто не печатал) гонорар на ее отстройку. «Так это ты, батюшка, Казань-то отстроил?» — опра-

* Троицкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 240.

** Там же. С. 34, 36, 233.

*** Там же. С. 35.

пивают его ошеломленные его величием мужички, крепостные его хозяина, — единственная публика, перед которой мог хвастаться заштатный литератор. «Да, и моего тут капля меду есть!» — снисходительно соглашается Опискин. Когда читаешь Троцкого, так и хочется спросить все время: «Так это ты, батюшка, революцию-то сделал?». Но Опискин был скромнее автора «Моей жизни». Он все-таки соглашался, что Казань не совсем он один отстроил, а только содействовал. У Троцкого мы читаем:

«...В период подготовки октябрьского переворота Ленин скрывался в Финляндии, Каменев, Зиновьев, Рыков, Калинин были противниками восстания, о Сталине же никто ничего не знал (!). В результате этого партия связывала октябрьский переворот преимущественно с моим именем»*.

Он, он, всю Казань он один построил. И кто же мог стать в отстроенном им граде градоправителем? Все он же конечно. Глава «У власти» начинается с таких замечательных строк:

«Те дни были необыкновенными днями и в жизни страны, и в личной жизни. Напряжение социальных страстей, как и личных сил, достигало высшей точки. Массы создавали эпоху, руководители чувствовали, что их шаги сливаются с шагами истории»**.

Благодаря легкой неграмотности последней фразы можно подумать, что «их» шаги — это шаги масс. Но это же совершенно нелепая картина: «шаги масс» это и есть история. Получаются шаги шагов истории — масляное масло. «Их» шаги — это шаги руководителей. Каждый шаг Троцкого был шагом истории. Правда, был еще Ленин, — но, мы видели уже, в критическую минуту он «бежал», и, не будь Троцкого, бедной большевистской фракции ЦИК так и не узнать бы перспектив революции. А когда тот же Троцкий «сделал» и самое революцию, Ленин превратился в некоторое подобие сатрапа из известной басни: «Все подписывал, что тот (не секретарь, как в басне, а Троцкий) ни подавал».

«Современная литература о разногласиях Троцкого и Ленина перегружена апокрифами. Бывали, конечно, разногласия. Но неизмеримо чаще бывало так, что мы приходили к одному и тому же выводу, обменявшись двумя словами по телефону или независимо друг от друга. Когда выяснилось, что мы смотрим на вопрос оди-

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 233.

** Там же. С. 55.

наково, то уже ни он, ни я не сомневались, что проведем нужное решение. В тех случаях, когда Ленин опасался чьей-либо серьезной оппозиции своим проектам, он напоминал мне по телефону: “Непременно приходите на заседание, я вам дам слово первому”. Я брал слово на несколько минут, Ленин раза два во время моей речи говорил “правильно”, это предрешало вопрос... При моем расхождении с Лениным могли вспыхнуть и вспыхивали иногда большие прения. В случае же нашего согласия обсуждение всегда бывало очень коротким*». «В подавляющем большинстве случаев решения, к которым мы приходили порознь с Лениным, во всем основном совпадали. Взаимное понимание достигалось с полуслова. Когда мне казалось, что решение Политбюро или Совнаркома может сложиться неправильно, я посылал Ленину записочку на клочке бумаги. Он отвечал: “Совершенно верно. Внесите предложение”. Иногда он мне посылал запрос: — согласен ли я с его предложением, и требовал моего выступления на поддержку ему**».

Я не исчерпал и десятой доли подобных мест — они кишат, как комары над болотом. Но и приведенного, я думаю, достаточно, чтобы доказать, что в 1917 г. мы имели не одного, а двух хвастунишек... Второй, открывшийся в этом качестве лишь ныне, был, конечно, умнее первого. Он умел связаться с тою силой, шаги которой были действительно «шагами истории» — уцепившись за эту силу, он тащился за революцией гораздо дольше, чем его предшественник. Но в основе и там и тут лежал один и тот же факт, — факт девственности «еще неразборчивых масс». Когда эти массы прозрели и стали разбираться, роль Троцкого как «вождя» должна была кончиться. Но он успел уже «ослепнуть от собственного блеска» — и не увидал этого. Не увидали этого и некоторые другие, ослепленные заимствованным блеском своего героя. В этом была трагедия троцкизма. Не придавая выбору «вождей» такого значения, какое придавал ему сам Троцкий в своих «Уроках Октября», приходится все же признать, что кое какое, и не второстепенное, значение этот выбор имеет: это и Маркс признавал. Неудачный выбор в вожди «улучшенного и дополненного издания» «...Александра Федоровича» был не из последних условий, определивших быстрый и бесславный конец троцкистской оппозиции.

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 79–80.

** Там же. С. 195–196.

«Каждый настоящий оратор знает минуты, когда его устами говорит что-то более сильное, чем он сам в свои обыденные часы. Эта сила — “вдохновение”. Оно возникает из высшего творческого напряжения всех сил. Бессознательное поднимается из глубокого логова и подчиняет себе сознательную работу мысли, сливает ее с собою в каком-то высшем единстве»*.

В этой самохарактеристике нечаянно дано объяснение того, как и откуда возникают Керенские и Троцкие. Для настоящего политического вождя ораторский талант служит орудием его влияния; Керенские и Троцкие служат орудием своего ораторского таланта. Он высоко поднимает их над массой, которую они привыкают видеть только с трибуны. Митинги в цирке Модерн — одна из самых ярких страниц «Моей жизни».

«Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы. Тогда намеченные заранее доводы и слова позабывались, отступали под повелительным нажимом сочувствия, а из-под спуда выходили во всеоружии другие слова, другие доводы, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда чудилось, будто сам слушаешь оратора чуть-чуть со стороны, не поспеваешь за ним мыслью и тревожишься только, чтобы он, как сомнамбул, не сорвался с карниза от голоса твоего резонерства. Таков был цирк Модерн»**.

Понять, что на высокий карниз поднимает оратора только обаяние его таланта, что вне этого таланта оратор, может быть, ниже многих из его слушателей, — отчетливо понять это мог бы только очень умный человек; но такой человек уже не был бы «сомнамбулом», это был бы уже законный кандидат в вожди, и судьба Керенского его бы не постигла. И такой книжки, как «Моя жизнь», он бы не написал — ибо он понял бы, что такая книжка компрометирует его больше, чем целая библиотека, написанная его противниками. «Бессознательное» сыграло плохую шутку над Троцким.

Но мы дали бы очень слабое представление о «Моей жизни», если бы читатель подумал, что она есть только наивное проявление «бессознательного» в ее авторе — не больше. Такое представление было бы ниже «философии истории» самого Троцкого. Эту «фи-

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 56.

** Там же. С. 16.

лософию истории» стоит привести хотя бы по одному уже тому, что ее автор парадировал десятилетия в качестве марксиста. Так вот его «марксизм».

«Широко говоря, весь исторический процесс есть преломление закономерного через случайное. Если пользоваться языком биологии, то можно сказать, что историческая закономерность осуществляется через естественный отбор случайностей. На этой основе разворачивается сознательная человеческая деятельность, которая подвергает случайности искусственному отбору...»*.

В книжке Троцкого не одно бессознательное. Здесь есть и «сознательная человеческая деятельность», которая подвергала «случайности», то бишь исторические факты, «искусственному отбору». Чрезвычайно искусственному, сейчас увидит читатель, — хотя и не весьма искусному.

И тут, в противоположность «бессознательному», приходится говорить и о детстве. Ибо хотя рассказывается о ребенке, но писал не ребенок — писал более чем взрослый человек, с огромным политическим грузом за плечами. Писал кандидат на место Ленина в нашей революции.

Откуда он вышел и как он оценивает ту среду, с которой он связан своим рождением?

«Отец мой был *земледельцем*, сперва мелким, потом более крупным»**.

Пробежав еще одну страницу, начинаешь думать, что в подчеркнutom (мною. — *М. П.*) слове есть опечатка — пропущен один слог. Но нет. Вот дальше характеристика матери Троцкого:

«Переброшенная из губернского города в степную деревню молодая женщина не сразу вошла в суровые условия сельского хозяйства, но зато вошла полностью и с той поры не выходила из *трудо*вой упряжки в течение почти 45 лет... Земля, скот, птица, мельница требовали всего внимания без остатка. Времена года сменяли друг друга, и волны *земледельческого* труда перекатывались через семейные привязанности...»***.

Нет, «земледелец» в первой цитате не опечатка. Посмотрим, что же это было за «трудо

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 234.

** Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 22.

*** Там же. С. 34–35. Разрядка опять моя. — *М. П.*

купил у Яновского свыше 100 десятин, да десятин 200 держал в аренде». Что же он собственным трудом все это обрабатывал? Конечно, нет.

«Постоянных рабочих, не покидавших экономии круглый год, было немного. Главную массу, исчислявшуюся сотнями в годы больших посевов, составляли сроковые рабочие — киевцы, черниговцы, полтавцы, которых нанимали до Покрова, то есть до первого октября».

За проданное зерно старик Бронштейн получал тысячами рублей за одну партию. Из одного примера мы узнаем, что он отправлял на рынок сразу по 20 тысяч пудов пшеницы (поднятие цены на пятачок с пуда дало ему 1000 рублей)*.

Я впервые прочел «Мую жизнь» по-немецки — и был убежден, что такие вещи можно писать со всею откровенностью и без комментариев только для заграничного, притом буржуазного читателя. Тот, конечно, все это проглотит и не поперхнет. «Кулак» для германского буржуа есть самый заправский «труженик» — чего вы еще хотите? Буржуа, сам иногда сидящий в своей конторе по 12 часов кряду, и себя, конечно, считает «тружеником». Но для кого предназначен русский текст, где все это воспроизведено буква в букву? Неужели для тех рабочих, негодование которых против ЦК Троцкий пытался разжечь уверениями, что партия держит «курс на кулака», и которых он приглашал «вернуть огонь направо — против кулака, нэпмана и бюрократа?»

Отец Троцкого был типичный крупный кулак уже в период детства будущего автора «Моей жизни». Это был вовсе не труженик-земледелец, а деревенский эксплуататор, о приемах которого даже его сын не находит сказать ничего лучше того, что он был эксплуататором не хуже других той же породы. Вот как описывает Троцкий житье рабочих своего отца:

«Жильем служило чистое поле, в дождливую погоду — стога. На обед — постный борщ и каша, на ужин — пшенная похлебка. Мяса не давали вовсе, жиры отпускались только растительные и в скудном количестве. На этой почве начиналось иногда брожение. Рабочие покидали жнивье, собирались во дворе, ложились в тень амбаров животами вниз, загибали вверх босые, потрескавшиеся, исколотые соломой ноги и ждали. Им давали кислого

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 23, 30, 42.

молока, или арбузов, или полмешка тарани (сушеной воблы), и они снова уходили на работу, нередко с песней. Так происходило во всех экономиях... В одно лето пришлые рабочие повально заболели куриной слепотой. В сумерки они медленно передвигались, вытянув вперед руки. Гостивший в деревне племянник матери (М., о котором мы позже узнаем, что это был умеренный либерал с легким налетом народнического социализма, отнюдь не революционер какой-нибудь. — М. П.) написал об этом корреспонденцию, которую заметили в земстве и прислали инспектора. На «корреспондента», которого очень любили, отец и мать, были в обиде. Да он и сам был не рад (!). Никаких неприятных последствий, однако, не было (!!): инспекция установила, что болезнь происходит от недостатка жиров, что распространена она по всей губернии, так как везде кормят одинаково, а кое-где и хуже»*.

Еще и еще раз: для чего и для кого все это пишется? Хотел человек замазать, что его отец был эксплуататор, нужно было просто замолчать все эти факты (мы дальше увидим, что Троцкий умеет замалчивать и более важное). Хотел откровенно рассказать, откуда вышел, — похвальная откровенность, но тогда нужно было дать фактам оценку, какую им дал бы всякий большевик, хотя бы архиправый, а не то что «левый». Дать же со всею невинностью все факты, а потом замазывать их словами «земледельческий труд» и тому подобное, вплоть до того, что от земской инспекции эксплуататору «никаких неприятных последствий не было» (ведь это же божественно!), — воля ваша, это человек от пера зависит, а не перо от человека. Это опять «бессознательное», опять «вдохновение». Не удержался человек от того, чтобы написать яркую картину, а что он когда-то с трибуны возглашал: «Против кулака!» Огонь «направо!», то — забыл. Это ведь из другого ящика «бессознательного». Чтобы связать эти факты, нужна была именно сознательность — элементарная сознательность, правда, но даже ее не оказалось...

Но если от бессознательного была откровенность, то замазывающие сладкие словечки о «трудовой жизни» — это уже не вдохновение. Это уже — неудачные, правда, попытки «подвергнуть случайности искусственному отбору». Чем дальше, тем

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 42–43. О «корреспонденте» см. С. 59–60 и 112. Он сам... стал крупным предпринимателем-издателем.

этих попыток больше. Под конец «отбор» становится настолько «искусственным», что от «случайностей» — от исторической действительности — уже ничего не остается. Но прежде чем перейти к этого рода образчикам приложения исторического метода, надо остановиться еще на одном эпизоде детства автора, благо и сам автор придает этому эпизоду своего рода историческое значение.

Дело уже не в деревне, в Яновке, а в городе, в Одессе. Троцкий уже ученик реального училища. Пай-мальчик — всегда пятерки, за русские сочинения даже пятерки с плюсом.

«В школу я являлся аккуратнo, ранец мой был в порядке, и ученический билет уверенно покоился в левом кармане куртки». «Был бесспорным первым учеником, на большом расстоянии от второго».

У начальства, конечно, на лучшем счету. И вдруг такой казус. Был у них весьма непопулярный учитель французского языка, с хроническим катаром желудка и соответствующим, мало приятным характером. Реалисты его ненавидели и устраивали ему всякие «штучки». Однажды, когда он раздражил класс несправедливо поставленной кому-то единицей, «устроили ему концерт», зашептались школьники, перемигиваясь и подталкивая друг друга локтями: «Я, — говорит Троцкий, — был в их числе не на последнем месте, может быть, даже на первом». Попросту говоря, был организатором всего дела.

«Концерт» был дан, десять-пятнадцать учеников остались «без обеда», а Троцкий на другой день уже успел «наполовину позабыть о вчерашней истории». Начальство было, конечно, в тысяче верстах от каких-либо подозрений насчет первого ученика. Как вдруг организованные Троцким товарищи сообразили: «Мы сидим без обеда, а он? Он ведь всему делу заводчик!». И один за другим стали давать начальству «откровенные показания». Начальство сначала не хотело верить, но когда «десять-двенадцать» мальчиков подтвердили показания первого, доверие обманутого начальника сменилось яростью: «А, он нас за нос все время водил!». И Троцкого, не совсем в пропорции с содеянным, но в надлежащей пропорции с яростью оказавшегося в дурацком колпаке начальства, исключили из училища (на год — потом он окончил курс без дальнейших приключений).

«Таково было первое, в своем роде политическое, испытание. Группировки, которые сложились вокруг этого эпизода:

ябедники и завистники на одном полюсе, открытые, отважные мальчишки — на другом, и нейтральная, зыбкая, неустойчивая масса — посредине, эти три группировки далеко не полностью рассосались и в течение последующих лет. В дальнейшей своей жизни я встречал их не раз в самых различных условиях»*.

Действительно, когда нам придется знакомиться «по Троцкому» с дискуссией 1923 г., мы увидим ту же картину: главный организатор совсем в сторонке — он ни при чем, его дело вовсе даже и не касается! — «открытых, отважных мальчишков», которые за этого сидящего в кустах вождя ратоборствуют, сочиняют резолюции, собирают подписи, выступают на собраниях; наконец, «зыбкую» сначала, пока не разобрались, «неустойчивую массу», колеблющуюся, потом дружно поворачивающую к «клеветникам и завистникам», на стороне которых неожиданно оказывается вся партия, за исключением «отважных мальчишков», понемногу теряющих в такой обстановке свою отвагу и, с некоторым опозданием,двигающихся вслед за массой. Очень похожая картина — и недаром Троцкий не раз ее вспоминает, только не всегда по надлежащему поводу**. По поводу дискуссии 1923 г. она почему-то ему не вспомнилась.

Но дискуссия 1923 г., как она изображена в «Моей жизни», это перл всей книги. Раньше этого заключительного аккорда мы имеем целый ряд образчиков «искусственного отбора». Их нужно будет какому-нибудь из наших учреждений (Институту Ленина, например, или историко-партийному отделению ИКП) разобрать главу за главой, с источниками под руками. Если не для нашей партийной, то для заграничной публики это будет очень нужная работа — «Mein Leben» по-немецки на моих глазах шла нарасхват. Здесь для такого кропотливого анализа нет ни места, ни, строго говоря, необходимости. Я поэтому на одном примере попытаюсь разобрать только метод нашего автобиографа. По этому образчику можно судить о методе, по которому написана вся книга.

Эпизод, который я выбираю, — знаменитый «августовский блок» 1912 г. По изложению «Моей жизни», то была совершенно невинная и вполне большевистская вещь. «Я сделал попытку созвать объединительную конференцию из представителей всех

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 94; весь эпизод см. там же: С. 87 и след. 243.

** См., например: Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 142.

социал-демократических фракций». Попытке этой сочувствовала Роза Люксембург. «Однако Ленин воспротивился объединению со всей силой». Так как лейтмотивом всей книги является, что Ленин был друг и учитель автора («он был моим учителем. Это не значит, что я повторял с запозданием его слова и жесты. Но я учился у него самостоятельно приходиться к тем решениям, к каким приходил он*»; так как это очевидно был лучший из учеников, то, разумеется, Ленин именно его прочил в свои преемники: «беспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу»**, и это положение обязывает, то сейчас же прибавляется: «Весь дальнейший ход событий показал, что Ленин был прав». Но никакой особенной вины и за Троцким не было: «История борьбы большевиков с меньшевиками есть в то же время история непрерывных объединительных попыток»***.

Имея в виду очевидно «новичков и невежд» — в каковом образе представляется Троцкому современный партийный читатель, — «автобиограф» скромно умалчивает, с кем пытался неоднократно объединиться Ленин — и с кем действительно объединился в 1912 г. Троцкий. Но у нас есть на этот предмет совершенно определенные высказывания того, кого и Троцкий — лицемерно, как уже упоминалось, — признает величайшим авторитетом. Ленин очень часто и очень детально касался вопроса об августовском блоке и о роли Троцкого в этом деле. Прислушаемся к тому, что говорил «учитель» об «ученике».

Еще в апреле 1912 г., за полгода до конференции, о которой говорил Троцкий, Ленин — не сам от себя, а на основании слов Плеханова — пришел к выводу, что «конференция созывается “ликвидаторами”. Ликвидаторский характер созываемой ОК конференции установлен Плехановым с неопровержимой ясностью». «Кто же остался?» — спрашивает Ленин, указав, что в связи с открытием Плеханова большевики-примиренцы выступили против конференции: «...явные ликвидаторы и Троцкий... Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести “по-прежнему” свою линию в “Живом деле” и “Нашей заре”, а Троцкий — из-за границы — прикры-

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 123.

** Там же. С. 217.

*** См. все это: Там же. С. 256–258.

вают их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает»*.

В самом деле, только «новички и невежды» могут теперь не знать, что августовская конференция 1912 г. была созвана в противовес январской того же года конференции большевиков: «Январская конференция и выбранные ею органы — единственное, что сейчас на деле объединяет всех работников РСДРП в России. Вне ее — лишь посул бундовцев с Троцким созвать ликвидаторскую конференцию ОК...»**.

Итак конференция имела задачей объединить колеблющиеся элементы партии около ликвидаторов, т. е. около тех элементов РСДРП, которые вели борьбу с большевиками. Уже это начисто упраздняет все ссылки Троцкого на объединительные попытки Ленина: когда же и где Ленин пытался объединиться с ликвидаторами — да и как было бы это возможно по самому существу дела?

Троцкий очень спекулирует на том, что ликвидаторы остались его работой недовольны — и еще до конференции подозревали его искренность. Но увы, это — оценка моральной физиономии Троцкого, а вовсе не его политической позиции. Троцкий 1912 г. не внушал доверия своим «друзьям», как не внушал он уважения своим противникам. Он чрезвычайно горячился по поводу того, что в 1924 г. было опубликовано его антиленинское письмо к Чхеидзе от апреля 1913 г.

«Употребление, которое сделано было эпигонами из моего письма к Чхеидзе, представляет собою один из величайших обманов в мировой истории. Фальшивые документы французских реакционеров во время дела Дрейфуса — ничто перед этим политическим подлогом Сталина и его соучастников»***.

Конечно, фальшивые документы — ничто перед документом подлинным, каким является это письмо Троцкого к Чхеидзе. Почему напечатание подлинного документа является «обманом» — это трудно понять. Но несомненным обманом является попытка «автобиографа» скрыть от «новичков и невежд» (только от них это и можно скрыть), что для той же эпохи мы имеем не только

* Ленин В. И. Соч. Т. XII. Ч. 1. С. 94. (Здесь и далее даются исходные ссылки на 3-е собрание сочинений Ленина. — Сост.).

** Там же. С. 95. О. К. — Организационная комиссия. — М. П.

*** Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 259.

отзывы Троцкого о Ленине — опубликование которых привело в такое негодование первого, — но и отзывы Ленина о Троцком. В «Просвещении» за май 1914 г. — т. е. в издании, обращавшемся к широчайшим кругам читателей в России, не в заграничной партийной печати, — можно было прочесть:

«Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это — типичная фигура для тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во время старой “Искры” (1901–1903) для этих колеблющихся и перебегающих от “экономистов” к “искровцам” и обратно была кличка: “тушинский перелет” (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебежавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выроставшее, связанное корнями с “меньшевизмом” и “экономизмом” в 20-летней истории марксизма, связанное с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

“Тушинские перелеты” объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они “заимствуют” идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым “искровцем” в 1901–1903 гг., и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 г. — ролью “ленинской дубинки”. В конце 1903 г. Троцкий — ярый меньшевик, т. е. от “искровцев” перебежавший к “экономистам”; он провозглашает, что “между старой и новой “Искрой” лежит пропасть”. В 1904–1905 гг. он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение то сотрудничая с Мартыновым (“экономистом”), то провозглашая несуразно левую “перманентную революцию”. В 1906–1907 гг. он подходит к большевикам и весной 1907 г. заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих “нефракционных” колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 г. входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела, их же идейки.

Такие типы характерны как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало и любой группе “просторно” было изображать

из себя течение, группу, фракцию, — одним словом, “державу”, толкующую об объединении с другими»*.

Скажут: Ленин написал это «в пылу полемики». Но почему же мы не найдем у Ленина таких убийственных характеристик ни для Богданова¹, ни для Мартова? «В пылу полемики» можно было бросить однажды резкую фразу; но ведь эта характеристика повторяется в основном на протяжении двух лет**. Она резюмирует целую полосу отношений между Лениным и Троцким, подводит итог всему, что передумал Ленин о своем будущем «ученике» с 1901 г. Ленин многое умел забывать и прощать, но это не значило, что он отказывался от своих старых характеристик. И вовсе не нужно было «подлогов, затмевавших дело Дрейфуса», для того чтобы партия знала, какого был мнения ее вождь о своем якобы «наследнике» после двенадцатилетнего знакомства с этим последним. Троцкому соглашались не напоминать о его прошлом в надежде, что он стал другим. Малейшая попытка возврата к старой фракционности не только давала право, обязывала напомнить массам то, что говорилось о Троцком-фракционере в прежние годы.

Когда Троцкий вновь принялся за образование своей фракции? Едва ли это имело место тотчас после Октябрьской революции: в эти недели он настолько чувствовал себя снова «первым учеником», хотя и не на таком большом расстоянии от второго, как в реальном училище св. Павла, что собственная фракция едва ли практически представлялась ему нужной. Он уже мыслил себя во главе мировой революции, а сама эта революция мыслилась им, как сейчас увидим, делом завтрашнего дня. К чему тут фракция? Фракции создает тот, кто чувствует себя слабым — Троцкий в эти минуты чувствовал себя сильнее всех.

А затем последовал оглушительный удар брестской катастрофы — для Троцкого это была именно катастрофа. Катастрофа, он не мог этого не сознавать — не будучи гением, Троцкий все же и не тупица, — вызванная на три четверти его легкомыслием. Легкомысленнее подойти к такой ответственной функции, как руководство внешней политикой первого социалистического государства в мире, было нельзя. Один образчик этого легкомыслия сохранил сам Троцкий. Цитируя чьи-то воспоминания, он

* Ленин В. И. Соч. Т. XII. Ч. 2. С. 462–463.

** См. там же. Ч. 1. С. 177, 181, 313; Ч. 2. С. 412, 448, 450, 461, 537.

передает — не оспаривая ее — такую свою фразу: «Какая-токая у нас будет дипломатическая работа? Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку»*.

Моя память подсказывает мне другой образчик — еще более жуткий, поскольку тут дело страшно близко было к непосредственным практическим выводам. Догоняя нашу мирную делегацию (представляя собою продолжение перемирий, она вся была уже в Бресте), я явился в Смольный за инструкциями. Никаких инструкций я не получил, но вместо них услышал следующий анекдот, рассказанный мне с полной верой в правдоподобность происшествия. На германском восточном фронте восстание; тридцать тысяч восставших солдат укрепились где-то между Ковно и Гродно, несколько дивизий снято с фронта для их усмирения.

Анекдот оказался буквально «выхваченным из воздуха», как говорят немцы; абсолютно ничего подобного на германском фронте тогда не происходило. Но для умонастроения моего собеседника он необычайно характерен. Троцкий верил не только в близость европейской революции, — он верил, что она произойдет буквально на другой день. При таких условиях какая же дипломатия, в самом деле? Компрометировать себя перед глазами германского пролетариата всамделишными переговорами с правительством, которого послезавтра уже не будет! Ясно, что нужно было как-нибудь протянуть несколько дней — и затем уже разговаривать с председателем германского Совнаркома Карлом Либкнехтом.

Что это, почти уже низвергнутое, правительство просуществует достаточно долго, чтобы нанести нам жестокий удар, что оттягивать нужно этот удар, а не начало серьезных переговоров с немцами, что для этого именно нужно было понести серьезную дипломатическую борьбу, пользуясь раздорами в стане противника, повести так же тщательно, как ведут военные операции, — все это Троцкому не приходило в голову. Он наивно воображал, что стоит только перенести цирк Модерн в Брест — и дело будет в шляпе. Что из его брестских речей до германского рабочего дойдет только то, что разрешит напечатать военная цензура Вильгельма II, эта ускользнуло от его соображения.

И рядом с этой до крайности преувеличенной верой в могущество своего слова — до трусости доходящая слабость перед своим

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 64.

реальным противникам, с которым мы стояли нос к носу. После разрыва переговоров в декабре решено было, что мы ни в каком случае не вернемся в Брест — дальнейшие переговоры будут вестись лишь на нейтральной территории (намечался Стокгольм) или «на проволоке», в бараке между двумя фронтами. Надо прочесть воспоминания Чернина, чтобы понять, до чего в германском лагере боялись, что мы не пойдём опять в брестскую ловушку. В сущности речь шла о демонстрации того, кому мир нужнее в данную минуту. Согласившись на Брест, мы тем самым окончательно укоренили в сознании дипломатов центральных держав убеждение, что советская власть хочет мира во что бы то ни стало, — эти дипломаты получили над нами такой психологический перевес, которого не могли уравновесить никакие ораторские успехи Троцкого. Мы ехали вторично в Брест уже капитулировавшие, но не формально, что лишало нас всяких выгод капитуляции, ибо позволяло противнику продолжать рассматривать нас как воюющую сторону.

Объяснения этой капитуляции до сражения я не получил тогда — и не получил теперь, прочитав соответствующую главу «Опыта автобиографии». «Нам пришлось склониться перед ультиматумом и остаться в Брест-Литовске» — вот все, что можно прочесть об этом в мемуарах главы советской делегации. Почему? Если надо было склоняться перед всяким ультиматумом немцев, отчего был отвергнут ультиматум 10 февраля? Риска в первом случае было меньше, потому что в руках у Кюльмана и Гофмана не было еще договора с Украинской радой², хотя и весьма несовершенного, но все же средства дурачить германские народные массы и тащить за собою на поводу Австрию. Логики тут никакой найти нельзя, если даже стоять на точке зрения немедленного получения какого бы то ни было мира, все же не было ни малейшего резона кричать об этом с крыш и выдавать себя с головою противнику. Но на этой точке зрения никто не стоял — Ленин был за переговоры «на проволоке». На мире он настаивал только в случае предъявления немцами ультиматума именно о мире, а не о месте переговоров.

Логика тут найти трудно. Но зато психологическое объяснение найти легче легкого. На следующей же странице мы читаем о жизни делегации в Бресте во время переговоров: «Вокруг зданий штаба шла в разных направлениях высокая изгородь из колючей проволоки. Во время утренней прогулки я натыкался на надписи:

“Застигнутый здесь русский будет застрелен”. Это относилось к пленным. Я спрашивал себя, относится ли надпись также и ко мне — мы были наполовину в плену — и поворачивал назад»*.

Вот то-то, что Троцкий, увидав первое реальное или показавшееся ему реальным препятствие, сейчас же «поворачивает назад». Пишущий эти строки в эти самые дни исходил вокруг Брестской цитадели десятки километров, ни разу не подвергнувшись большей неприятности, чем необходимости показывать пропуск германским часовым. Я разговаривал с русскими пленными, причем сторожившие их немцы относились к этому с удивительнейшим благодушием, заботливо предупреждая меня и моих собеседников, когда на горизонте показывался офицер, — я по получасу наблюдал, как германские новобранцы упражняются с ручными гранатами, и т. д. Не так уж страшен черт, как его малюет испуганное воображение. А воображение будущего главы всемирной революции было сильно напугано — это ярко отразилось в одном инциденте, о котором «Опыт автобиографии», к сожалению, не упоминает. Все делегации из Бреста уезжали в полном составе — кроме нашей: наша уезжала без своего главы и еще двух-трех членов. И глава, и эти члены отбыли немедленно же, как только был вручен наш не очень вежливый ответ на ультиматум (ответ был сначала проектирован вежливее, но сейчас не стоит говорить, кто его заострил. Не Троцкий), в ту же ночь. Оставаться хотя бы лишний час в Бресте им казалось страшно опасным. Чтобы не было недоразумения: я, конечно, отнюдь не думаю подозревать Троцкого в физической трусости — он физически храбрый человек. Разумеется, он спасал «вождя», без которого революция могла погибнуть. Но дело в том, что никакой особой опасности «вождю» не угрожало.

Реальная опасность была одна — очутиться в крайне глупом положении, если тонкое кружево тактики, основанной исключительно на психологии, будет прорвано грубым кулаком немецких империалистов. Когда это случилось, Троцкий просто растерялся, и его поведение после того, как немцы начали свое наступление, было жалко до невероятия. Он голосовал то за принятие германского ультиматума, то против, то опять за — и, наконец, при самом решительном голосовании воздержался... «чтобы обеспечить

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 94.

Ленину большинство одного голоса» (!)*. В заключение он выразил свою обиду на непослушавшуюся его историю тем, что не только подал в отставку от поста наркоминдела, но фактически ушел с этого поста, т. е. предоставил другим расхлебывать ту кашу, которую он заварил**.

В таком душевном состоянии опять-таки было не до фракций. Надо было как-то загладить и перед самим собой, и перед другими впечатление жестокого провала. Отсюда полное отсутствие всяких фантазий — и ультраделовой, чтобы не сказать деляческой, подход к новой работе, которую дал ему Ленин, — формированию Красной армии. В Бресте, казалось, не нужны какие бы то ни было специалисты — теперь в одних специалистах было все спасение. «Отсрочки тут, по общему правилу, не давалось. Ошибки влекли за собою немедленную кару»***. Так рисует Троцкий обстановку своего нового дела: но разве только что не было дано убедительнейшего доказательства, что к дипломатам это применимо точь-в-точь столько же, сколько и к войне?

И только когда война начала поправлять репутацию, в корень испорченную дипломатией, Троцкий начинает припоминать старое. Но теперь уже «вождь» не мог положиться на одного себя. Нужно было сколачивать «группку». Первый намек на возникновение троцкистской фракции относится, по-видимому, к концу 1919 г. — хронология «Автобиографии» тут весьма не отчетлива. Что намек этот облечен в форму якобы «извета» т. Сталина, — которого будто бы выдал т. Менжинский, — не должно нас смущать****. Слишком уж благородно негодование, с каким Троцкий встретил (какое невинное дитя, подумаешь!) известие, что против него ведется «интрига», и слишком забеспокоился для такой невинности. И чересчур поторопился проверить непосредственно у Ленина, что именно тот знает? Но «прощупать» Ленина, видимо, не удалось — и Троцкий лишь «понял», что «Менжинский говорит не зря», т. е. что о завязывающейся фракции кое-что проникло дальше, чем следовало³.

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 116–117.

** См. протокол заседания ЦК от 22 ноября 1918 г.: Ленин В. И. Соч. Т. XXII. С. 286.

*** Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 168.

**** Там же. С. 181–184.

На полном ходу была фракционная работа к зиме 1920–1921 г. — ко времени знаменитого спора о профсоюзах. Спор этот всячески изображается как лишенный «всякого значения». О не менее, чем спор, о знаменитом маневре Троцкого — из сторонников «огосударствления» профсоюзов почти мгновенно превратившегося в сторонника диаметрально противоположной, но одинаково антиленинской позиции Бухарина-Дзержинского — «Моя жизнь», конечно, не обмолвилась ни одним звуком. Но о фракционной работе в этот период умолчать уже было невозможно.

«Я еще во время съезда (X) ликвидировал какие бы то ни было совещания с единомышленниками по профессиональному вопросу. Через несколько недель после съезда Ленин убедился, что я не менее его озабочен тем, чтобы ликвидировать временные группировки, под которыми уже не оставалось никакой принципиальной базы»*.

Что «принципиальной базы» не было, это, конечно, верно, но что группировки существовали, это вынужден признать сам Троцкий, а что они в это время уже перестали существовать, этому не поверят маленькие дети — именно с этого момента «группировки» из «временных» превращаются в постоянные.

Отрицать это можно опять-таки только перед «невеждами и новичками». Новичками, вступившими в партию не раньше 1925 г., — и невеждами совсем круглыми. Для тех, кто работал в партии в 1921–1923 гг., самая попытка скрыть «группировки» сторонников Троцкого покажется смешною. Один из ближайших лейтенантов Троцкого был тогда членом одного советского коллектива, где я председательствовал. В разговоре с ним я выразил намерение назначить заседание этой коллегии, помнится, на вторник. «На вторник нельзя, по вторникам у нас ЦК», — услышал я в ответ. «Как по вторникам? — удивился я: — Оргбюро собирается в понедельник, а Политбюро в четверг». «Да, это не ЦК, а так, одно совещание»... Не трудно было догадаться, о каком ЦК нечаянно проболтался мой собеседник. В Москве называли и секретаря этого «ЦК» со всей определенностью.

История этого «ЦК» когда-нибудь будет написана, тоже в форме «Моей жизни» кого-нибудь из его членов — надо надеяться,

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 202.

однако же, что не по методу «Моей жизни» его председателя. Ибо последний — начисто отрицает самое существование троцкистской фракции. Нужно сказать, что это великолепно идет ко всему его мировоззрению. На первом плане у него все время собственное «я». Читая его книжку, никто не подумает, что в политике у нас играют роль какие бы то ни было организованные группы — партии, например. Вы встречаете только отдельных людей, иногда, по слабости, объединяющихся в маленькие коллективы, без всякой принципиальной основы, от случая к случаю — и всегда ради *личных* целей. Партия — жалкая игрушка в руках этих людей. Может быть, потому и не находят себе места в воспоминаниях Троцкого троцкистские группировки, что автор воспоминаний презирал их, как презирал он в душе всякую массу вообще. Не верите? Прочитайте резюмирующую характеристику главы XXXIX («Болезнь Ленина»).

«1923 год стал первым годом напряженного, но еще бездумного (?) удушения и разгрома большевистской партии. Ленин боролся со страшным недугом. Тройка* боролась с партией. В атмосфере было тяжкое напряжение, которое к осени разрешилось “дискуссией” против оппозиции (!!!). Началась вторая революция: борьба против троцкизма...»**.

О «дискуссии против оппозиции» мы сейчас поговорим. Но согласитесь сами, что написать все приведенное сейчас место можно было только в состоянии очень острого «вдохновения», когда «из-под спуда выходят слова, неожиданные для оратора» — или писателя. «Накатил, сударь, накатил!» — восклицают хлысты, когда на их собрание нисходит «дух». На Троцкого явно «накатило», когда он стал писать об «удушении и разгроме большевистской партии» в 1923 г. Но что у трезвого на уме, то у пьяного на языке: до чего нужно было презирать эту самую партию, чтобы изображать ее разгром делом трех человек! Три человека могут произвести вторую революцию и «удушить» коллектив в миллион людей! И притом три человека, действующие исключительно из *личных мотивов* против определенного лица.

«Идея тройки — Сталин, Зиновьев, Каменев — была уже давно готова. *Острием своим тройка была направлена против меня.*

* Сталин, Зиновьев, Каменев.

** *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. II. С. 228.

Вся задача заговорщиков состояла в том, чтобы, подготовив достаточную организационную опору, короновать тройку в качестве законной преемницы Ленина»*.

Дальше рассказывается, как одна «маленькая записочка» Ленина чуть-чуть не расстроила всей комбинации. При таком ходе истории, конечно, не то что записочки — случайно опрокинувшейся чернильницы достаточно, чтобы пало государство. И этого человека десятилетиями считали марксистом!

Само собою разумеется, что болезни тех гигантов, которые творят мировую историю, становятся при этом уже совсем и бесспорно крупнейшими историческими факторами. И вот на том месте, где у будущих «фальсификаторов истории» будет стоять рассказ о борьбе троцкистской фракции против партии, у Троцкого читатель находит три истории болезни плюс охота на уток!

Да, да: я не фантазирую. Что помешало низвержению «эпигонов» (они же «тройка») в 1923 г.? Болезнь — болезнь Ленина, и только эта болезнь.

«Я не сомневаюсь, что если бы я выступил накануне XII съезда в духе “блока” Ленина — Троцкого против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина в борьбе»... «В 1922–1923 гг. вполне возможно было еще завладеть командной позицией открытым натиском на быстро складывавшуюся фракцию национал-социалистических чиновников, аппаратных узурпаторов, незаконных наследников Октября, эпигонов большевизма. Главным препятствием на этом пути было, однако же, состояние самого Ленина». «Во всех планах и расчетах был решающий момент неопределенности: это сам Ленин со своим физическим состоянием». «Благодаря исключительному месту, занимавшемуся в партии Лениным, неопределенность его личного состояния превратилась в неопределенность состояния всей партии»**.

А вдобавок еще и самого Троцкого «на несколько недель приковал к постели прострел». Так «эпигоны» и уцелели в эту критическую для них минуту. Как было, казалось, не сообразить, что при таких условиях Троцкому надо тщательнейшим образом смотреть за своим здоровьем? Как было этого не понять? А он взял да холодной осенью отправился охотиться на уток!

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. II. С. 223. Курсив мой. — *М. П.*

** Там же. С. 219–220.

Об этом всемирно-историческом событии, определившем судьбы не одного Советского Союза, читатель узнает на стр. 234–238 II тома «Моей жизни» со всеми необходимыми для такого торжественного случая подробностями — с биографией охотника, который руководил действиями ближайшего наследника Ленина в эти роковые дни, с глубокими историческими экскурсами (до Ивана Грозного!), с фамилией шофера, которого близость к великому событию тоже, разумеется, сделала историческим лицом и т. д. Словом, если бы кто начал читать «Мою жизнь» с этого места, не имея отчетливого представления о физиономии ее автора, такой невнимательный читатель был бы достоин наказания, попав в чрезвычайно глупое положение; вероятно, он с негодованием бросил бы книгу, решив, что автор над ним, читателем, просто издевается. Читатель настоящей заметки знает, с кем мы имеем дело, — он знает, что тут нужно не обижаться и не сердиться, а понимать. Но я боюсь, что даже такой, нарочито подготовленный, читатель не воздержится от непочтительного заключения, что ему, читателю, редко приходится встречать автора, более близкого к острому пароксизму мании величия.

Охота на уток замечательна, конечно, не утками, даже вообще неизвестно, пострадали ли утки. Но после охоты, спеша удовлетворить любопытство шофера, «горевшего нетерпением узнать, какова добыча» — как малое всегда переплетается с великим! — Троцкий побежал в валенках по болоту, промочил ноги и простудился. «Врачи запретили вставать с постели. Так я пролежал весь остаток осени и зиму. Это значит, что я прохворал дискуссию 1923 г. против “троцкизма”. Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку» (читатель, имея запас восклицательных знаков, может использовать сколько нужно; у меня все вышли. — *М. П.*).

«Ленин лежал в Горках, я — в Кремле. Эпигоны расширяли круги заговора». Налицо из всех группировок, наметившихся еще в реальном училище св. Павла, имеются «ябедники и завистники», их жертва и «зыбкая неустойчивая масса» в лице удушаемой тройкою миллионной партии. Не хватает «открытых, отважных мальчиков». Это несправедливо. Надо исправить это упущение — и рассказать, что делали «отважные мальчики».

Когда Троцкий охотился за утками, партия была в исключительно тяжелом положении. Восстановительный период был

в самом начале — шли споры о том, достигнем ли мы «довоенного уровня» в 1930 или в 1933 г. Человек, который вздумал уверять, что мы к 1930 г. *перейдем* этот уровень, погиб бы в позоре комчванства. Рабочая масса, уверенная, что она голодала только из-за гражданской войны и блокады, не сразу привыкала к мысли, что довоенный уровень заработной платы вернется только с довоенным уровнем производства, — и роптала. Перед самой «охотой» прошел целый ряд забастовок. На этой почве всяческая антипартийная агитация расцветала пышным цветом. Только что были обнаружены две, казавшиеся серьезными, подпольные организации: богдановская «Рабочая правда», где не было ни рабочих, ни правды, но было порядочное количество партийной интеллигенции юного возраста, — и «Рабочая труппа», где были и рабочие, молва уверяла, в числе нескольких тысяч.

Надо было видеть, с какими сияющими глазами передавал мне все это один из «отважных мальчиков», предлагая мне подписать документ, явным образом начинавший кампанию против ЦК. «Антипартийная организация в три тысячи рабочих!» Как, в самом деле, упустить такую благодать?

Я признавал, что положение крайне трудное. Но подписать документ отказался; было совершенно ясно, что для партии от похода на ЦК положение станет только еще труднее. Наоборот, совершенно не ясно было, какие могут получиться выгоды от замены старого ленинского штаба «открытыми, отважными мальчиками».

Но последние не ограничивались собиранием подписей. Они кроме того обратились и к массам. Среди рабочих масс они имели успех несколько ниже среднего. Но юная коммунистическая интеллигенция, клюнувшая на богдановскую «Правду», клюнула и здесь. В самом начале дискуссии тысячная ячейка ФОН (факультета общественных наук) I МГУ почти единогласно вынесла резолюцию, направленную против ЦК партии.

Как же реагирует на все это «Моя жизнь»? Да никак. У Троцкого была такая высокая температура, что всех этих деклараций и резолюций ему даже не показывали. И он до сих пор не знает о том, что все знали еще осенью 1923 г.: что в этом году троцкистская фракция сделала попытку свергнуть партийное руководство — и была хотя весьма далека от успеха абсолютно (не собрала даже и половины голосов одной московской конфе-

ренции), но относительно все-таки была к этому успеху ближе, чем в какую-либо другую из своих попыток. Если бы Троцкий это знал, он, вероятно, выступил бы хоть два-три раза непосредственно, лично на собраниях, несмотря на температуру: выступал же Дзержинский, когда это грозило ему смертельной опасностью. После, в Алма-Ата («где злейшая малярия разделяет господство с проказой и чумой») ему сходили безнаказанно такие вещи, как пребывание на охоте по девяти суток, не заходя под кровлю, — при морозе «до 8–10°»*. Но «отважные мальчики» очень берегли своего вождя, исключительно берегли — и бедный Троцкий до сих пор не знает того, что еще в 1923 г. знал миллион удушаемых «тройкою» партийцев (да, наверное, не менее двух миллионов беспартийных вдобавок).

Ах, эти «отважные, открытые мальчики!» Беда с ними...

Естественно, что, не зная самого главного факта, Троцкий получил самое фантастическое представление о причинах того, что с ним дальше происходило. Представьте себе, что человек, не знающий ничего об Октябрьской революции, сразу налетел бы на советский режим и диктатуру пролетариата. Что бы он понял? Так и тут. Все беды на Троцкого обрушились потому, что он и действовавшие его именем «мальчики» повели подкоп против этой самой пролетарской диктатуры. Но Троцкий ничего об этом не знал. И ему показалось, что его начали «травить» из-за 1) воздержания от спиртных напитков, 2) теории перманентной революции. Да, право же, я не шучу. Так написано в «Моей жизни».

К 1): «Хождение друг к другу в гости, примерное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перебиванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении, и участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть»**.

К 2): «Насквозь филистерская, невежественная и просто глупая травля теории перманентной революции выросла из этих именно

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 299.

** Там же. С. 245.

психологических источников. Сплетничая за бутылкой или возвращаясь с балета, один самодовольный чиновник говорил по моему адресу другому самодовольному чиновнику: “у него только перманентная революция на уме”. С этим тесно связаны обвинения в неартельности, в индивидуализме, в аристократизме. “Не все же и не всегда для революции, надо и для себя”, — это настроение переводилось так: “долой перманентную революцию!”. Протест против теоретической требовательности марксизма и политической требовательности революции постепенно принимал для этих людей форму борьбы против “троцкизма”. Под этим флагом шло освобождение мещанина в большевике. Вот в чем состояла потеря мною власти, и вот что определяло те формы, в которых эта потеря произошла*.

Примеров «марксизма» Троцкого мы видели достаточно. А насчет перманентной революции, когда Ленин называл ее в 1914 г. «несуразно левой», это как было: «за бутылкой» или же «возвращаясь с балета»?

В 1923 г. и следующих происходило не освобождение мещанина в большевике, а освобождение большевистской партии от мещан. Троцкий не потерял и не мог потерять власти по той простой причине, что никакою властью над большевиками он не обладал и не мог обладать, ибо наша партия не есть вотчинная монархия и никакому отдельному лицу над собой власти не вручала. У партии есть доверенные люди — в качестве одного из этих доверенных людей Троцкий пользовался большим влиянием. Потеряв доверие, он утратил и влияние. Попытавшись вернуть его себе обратно нелегальными средствами, он попал сначала в Алма-Ата, потом в Константинополь. Причины этой катастрофы нужно искать в причинах потери им доверия партии. Как это случилось? «Моя жизнь», независимо от воли автора, объясняет это вполне удовлетворительно. Наша партия пролетарская — во главе ее не может стоять мещанин-индивидуалист, поскольку мещанский индивидуализм у него не сторел окончательно в огне пролетарской революции. А мещанским индивидуализмом прет из каждой строки «Автобиографии», написанной в 1929 г., через двенадцать лет после революции. Но данный случай не нуждается, пожалуй, даже и в таком со-

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 246.

циологическом объяснении. Может ли пользоваться доверием партии человек, не заслуживающий никакого личного доверия? Человек, ни на одно слово которого нельзя положиться? Троцкий сам на это ответил теми строками «Моей жизни», которые я привел в качестве эпиграфа.

